

УДК 811.161.14:34

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ
В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА***М. Е. Воробьева***FUNCTIONING OF JURIDICAL TERMS IN ORDINARY CONSCIOUSNESS
OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN***М. Е. Vorobyova**Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки № 16.740.11.0422.*

В статье рассматривается проблема множественности интерпретации содержания юридических терминов рядовыми носителями языка, которая обусловлена объективными языковыми и субъективными лингвоперсонологическими факторами. В результате исследования выявляются дифференцирующие признаки обыденного языкового толкования, разрабатываются стратегии повышения эффективности правовой коммуникации.

The article is concerned with the problem of plurality of interpretation of the meaning of juridical terms by the ordinary native speakers, which is caused by objective language and subjective lingopersonological factors. As a result of the research differentiating features of ordinary language interpretation are found, strategies of increasing of effectiveness of legal communications are developed.

Ключевые слова: толкование (интерпретация), юридические термины, реальное (психолингвистическое) значение, лексикографическое значение, обыденное сознание.

Keywords: interpretation, juridical terms, real (psycholinguistic) meaning, lexicographic meaning, ordinary consciousness.

Юридические тексты, конструкции, термины, составляющие содержание юридического языка, являются амбивалентными. С одной стороны, они представляют собой продолжение естественного языка и не могут не быть таковыми, поскольку закон обращен к рядовым гражданам и призван регулировать их социальное поведение. С другой стороны, они имеют узкоспециализированное содержание, предназначенное для специалистов, поскольку вытекают из системы права, юридических презумпций. Особенно актуализируется амбивалентность такого рода, когда юридический текст и термин как его компонент объединяют одновременно специальные и обыденные смысловые компоненты. Совпадение широко используемых общенародных слов со специальными терминами вызывает трудности их практического понимания рядовыми носителями языка. Представления, характерные для обыденного сознания, весьма неоднозначно сопрягаются со специализированными презумпциями, заключенными в юридическом тексте.

Объектом данного исследования является в широком смысле юридический язык, в узком – юридическая терминология, предметом – функционирование юридических терминов в обыденном сознании. Основной аспект рассмотрения – вариативность смысла терминов, иными словами, предметом исследования выступают различные варианты интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка.

Проводимое исследование ставит перед собой следующую цель: выявление и описание особенностей толкования (интерпретации) юридических терминов рядовыми носителями русского языка. Толкование и интерпретацию мы рассматриваем как а-

пектуальные синонимы, отражающие сущность данных феноменов с юридической и лингвистической стороны соответственно.

Под **толкованием (интерпретацией)** понимается целенаправленная когнитивная деятельность и одновременно результат в установлении смысла речевых произведений. Результат может быть воспринимаемым внешне – в виде воспроизведения, истолкования – или быть исключительно внутренним – как понимание (уяснение «для себя»). Итогом интерпретации (толкования) является смысл выражения – актуализированное речевое значение в рамках ситуационной ситуации. Деятельность интерпретатора рассматривается как самостоятельный когнитивный процесс, обусловленный знанием языка, контекста, конвенций общения, стратегий интерпретирования и процедурой интерпретации, что приводит к неоднозначности интерпретации языкового выражения.

В основе работы лежит гипотеза о неизбежной вариативности интерпретации содержания юридических терминов, функционирующих в обыденном сознании, которая является естественным и необходимым способом существования истины. Мы полагаем, что множественность интерпретации обусловлена как объективными факторами – универсальными свойствами языка (динамичность, вариативность, асимметрия формы и значения и т. д.), – так и индивидуально-психологическими особенностями реципиента, активным и креативным характером его рецептивной деятельности.

Методика обоснования гипотезы – лингвистический эксперимент, в ходе которого рядовым носителям языка предлагались для толкования (интерпретации) юридические термины. Для обработки полу-

ченных результатов исследования использовался метод научного описания, включающий наблюдение, классификацию, сопоставление и количественную обработку данных.

Эмпирическая база исследования составляет 8 терминов, 200 испытуемых, 200 анкет, 1100 реакций-ответов.

Онтологической основой проблемы является противоречие между требованием юридической техники однозначности уяснения и толкования юридических текстов и неизбежным отсутствием однозначности в герменевтике естественной коммуникации.

В гносеологическом плане необходимость такого рода исследований обусловлена, с одной стороны, недостаточным вниманием в лингвистике к процессам детерминологизации («обыденнизации») специальной лексики и, с другой стороны, – практическим отсутствием в теории права системного изучения особенностей обыденного толкования. Изучение толкования юридических терминов и текстов сосредоточено на сугубо юридической, нормативной стороне, тогда как их реальное функционирование остается в тени. Также следует отметить, что в юридической герменевтике в основном представлено официальное толкование, неофициальное – чаще всего в варианте доктринального и специального, но не обыденного. Особенно нуждается в изучении проблема множественности интерпретации юридических терминов и текстов закона и разнообразия ее результатов. Потребность в таком изучении усиливается тем обстоятельством, что юридическая техника возникла и существует как основная стратегия преодоления вариативности понимания и интерпретации текстов, однако это в принципе невозможно для всех форм неофициального толкования закона, которое не может не существовать в формах субъективной и, следовательно, множественной интерпретации. Обыденное сознание имеет много вариантов своего бытия и форм его проявления: от интенционально обусловленной, принципиально рассудочной, актуализованной и вербализованной рефлексии до неинтенциональной интуитивной, неактуализованной и молчаливой [2, с. 70]. Поэтому законодатели, если они заинтересованы в том, чтобы тексты закона достигали сознания адресата – законопослушного гражданина, должны иметь сведения о реальном функционировании юридических терминов и текстов в ментальном пространстве общества, устроенного не по предписаниям законодателя, а по общим законам функционирования естественного языка. К ним относятся, в частности, отчуждение текста от автора («Смерть Автора») и функционирование по законам, определяемым адресатом. Содержание текста и внутренние интенции автора могут заметно расходиться между собой, порождая «конфликт интерпретаций» [8, с. 26]. В письменном тексте происходит освобождение и от автора текста, и от ограничений ситуации общения, текст начинает жить собственной жизнью. Автор и его речевое произведение – это только первые звенья коммуникативной цепочки, личность адресата далеко не вто-

ростепенный компонент в ее структуре. Онтологическая сущность коммуникативного процесса – это не только событие реализации авторской интенции, но и процесс мыслительной активности адресата, его интерпретационно-семантизирующей реакции на получаемое речевое произведение.

Необходимость решения обозначенной проблемы определяется также противоречием двух научных подходов: традиционного, предписывающего взгляда на норму (т. е. как должно быть), провозглашающего однозначность взглядов высшей ценностью науки, и современного, описывающего (т. е. как есть на самом деле), признающего плюрализм и вариативность научного знания III тысячелетия.

Важно подчеркнуть, что современное сознание отдалается от однозначности и правильности как критериев истины, оно все более погружено в пространство интерпретационной вариативности (разнообразие научных школ, учебников, интернет).

Таким образом, данное исследование непосредственно связано с традиционной философской герменевтикой, философией постмодернизма и рецептивной эстетикой. Оно выполнено, с одной стороны, в рамках таких научных направлений лингвистики, как вариантология, антропоцентрическая лингвистика, лингвистический интерпретационизм, с другой стороны, юриспруденции, в частности – с позиций толкования закона.

Правильное толкование правовых норм – необходимое условие их верного и эффективного применения и, следовательно, соблюдения законности.

Проблема толкования является одной из традиционных проблем юридической науки. Она имеет самостоятельное значение в процессе научного или обыденного познания государственно-правовой жизни. В особенности необходимо исследование обыденного языкового толкования в аспекте множественности интерпретации правового текста, т. к. через механизмы понимания смысла и содержания закона всеми гражданами осуществляется господство закона во всех сферах жизни – основополагающий принцип любого правового государства.

Естественный язык, попадая в пространство правовой коммуникации, может быть как **средством юридической деятельности**, так и **объектом**.

Аспект «язык – средство юридической деятельности» реализуется в законотворческой деятельности (при создании законов) и законоприменительной (при толковании текста закона). В данном случае преобразование естественного языка в юридический предполагает в первую очередь преодоления потенциала множественной интерпретации терминов и текстов, к чему направлена юридическая техника.

Словарная статья «Юридическая техника» определяет **юридические термины** следующим образом: «словесные обозначения государственно-правовых понятий, с помощью которых выражается и закрепляется содержание нормативно-правовых предписаний государства» [12, с. 4].

В соответствии с правилами юридической техники к юридическим терминам предъявляются следующие требования:

1) однозначность: термины должны однозначно употребляться в одном и том же нормативно-правовом акте;

2) общепризнанность: термины должны употребляться в обиходе;

3) устойчивость: термины должны сохранять свой особый смысл в каждом новом правовом акте.

Особенностью многих юридических терминов является то, что подавляющее их большинство создано на базе словаря общелитературного языка. Терминологизация общелитературных слов происходит двумя способами:

1) моносемичное слово литературного языка становится основой образования моносемичного термина с тем же, но более глубоким и широким по содержанию значением (например термины «преступление», «наказание», «бездействие»);

2) терминологическое значение развивается на основе одного из значений полисемичного слова, также путем расширения и углубления его содержания.

В связи с этим возникает вопрос о глубине различий семантики «естественного» слова и этого же слова в качестве юридического термина. Лингвистический эксперимент направлен на выявление специфики реального (психолингвистического) значения юридического термина. Под **реальным значением** понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [7, с. 67]. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных.

Реальное значение противопоставлено лексикографическому – специальному значению, зафиксированному в словаре юридических терминов. Такое значение является воплощением системного подхода к языковой норме: лексикограф предписывает, как законоприменитель и рядовой реципиент должны понимать то или иное слово, какой минимум семантических признаков должен быть для них актуален. Лексикографическое значение создается в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. Редукционизм выступает в данном случае как логический и как описательный. Логический редукционизм связан с идеей о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически вычлененных признаков называемого явления, отражающий сущность явления. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объемом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объем словаря увеличится до беспредельности. Поэтому лексикографическое значение в большинстве случаев не дает представления о реальном функционировании слова в речи (оно не предназначено для этого); выявление субъективного смыслового компонента, возникающего при интерпретации юридических терминов обыденным сознанием, предполагает специальные

исследования, в том числе экспериментальные, в результате которых будет выявлено реальное (психолингвистическое) значение.

Лингвистический эксперимент проводился в два этапа: дефиниционный и свободный ассоциативный эксперимент.

Дефиниция – форма репрезентации лексического значения слова, предполагающая перечень его признаков-сем, следовательно, связанная с понятийным содержанием [1]. Пояснения значения слов информантом складывается из трех составляющих: восприятие внешней (звуковой) оболочки слова; мыслительные декодирующие процессы, состоящие в соотнесении звукового образа слова с обозначаемым им понятием; вербализация результатов декодирования, т. е. языковая объективация собственной мысли субъектом рефлексии [10, с. 119].

При построении дефиниции информант стремится объяснить значение слова, оперируя, на его взгляд, наиболее характерными для этого слова признаками, не исключая выделение субъективно-ситуативных признаков. По словам А. Н. Ростовской, «акт осознания значения – это всегда интерпретационный акт, основывающийся преимущественно на рационально-логических, но не лишенный и иных (иррациональных, сублогических) способов познания, воплощенный в креативных формах» [9, с. 190].

В сознании носителей языка представление о том или ином объекте имеет относительно устойчивую структуру. «Значение – это обобщенная идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой фиксированы существенные свойства объекта, выделенные в совокупной общественной деятельности» [6, с. 10].

Ассоциация – форма репрезентации лексического значения слова, представляющая собой спонтанную словесную реакцию на слово-стимул. Слово-реакция характеризует смысловую область, в которой данное слово находится в сознании носителя языка, а также говорит о том признаке объекта, который актуализируется в ситуации немедленного ответа.

Выделяются два основных типа ассоциаций: 1) «внешние», 2) «внутренние» [5, с. 110 – 112].

Под **«внешними»** ассоциативными связями понимаются «ассоциации по смежности», когда данное слово вызывает какой-либо компонент той наглядной ситуации, в которую входит названный объект (дом – крыша).

Под **«внутренними»** – те связи, которые вызываются включением слова в определенную категорию (дуб – дерево). Эти ассоциации в классической психологии называются «ассоциациями по сходству» или «ассоциациями по контрасту».

Ассоциативный эксперимент имеет целью построение ассоциативного поля слова-стимула (описание совокупных реакций, упорядоченных по убыванию частотности), которое далее выступает как материал для семантической интерпретации. Набор обыденных дефиниций и ассоциативное поле одного и того же слова имеют как зону пересечения, связанную с тем, что и то, и другое являются формами

экспликации содержания слова, так и зону расхождения, определяемую спецификой, вытекающей из разного акцентирования содержания – понятийного и концептного.

В ходе лингвистического эксперимента испытуемым для толкования (интерпретации) были предложены общезначимые юридические термины, т. е. термины, функционирующие не только в юридической сфере, но и в сфере общего употребления, следовательно, их юридический смысл должен был бы соотноситься с обыденным.

На первом этапе студентам предлагалось дать определение следующим юридическим терминам: *гражданин, государство, беженец, таможня, соб-*

ственность. После чего проводился семный анализ полученных толкований. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, присутствующими в определениях, зафиксированных в словаре юридических терминов. Выявление и описание закономерностей обыденного толкования юридических терминов.

При толковании значения слова осуществляется акт **семантизации** – «закономерный способ мыслительного действия, в результате которого происходит осмысление и истолкование значения» [10, с. 120].

Таблица

Обыденное толкование юридических терминов

Государство	1. В теории права: 1.1) определенный способ организации общества, 1.2) основной элемент политической системы, 1.3) организация публичной политической власти, 1.4) распространяющаяся на все общество, 1.5) выступающая его официальным представителем, 1.6) опирающаяся в необходимых случаях на средства и меры принуждения	1) территориально закрепленное общество (2), 2) орган политической власти (3), 3) – , 4) – , 5) – , 6) имеет законы, порядок (7), 7) определенная территория (16), 8) объединение городов (1), 9) стадия развития общества (1), 10) территория, имеющая границы (5), 11) суверенитет (4), 12) наличие символики(3).	Релевантные семы для юридического толкования: 1, 2, 6, 2.1, для обыденного – 6, 7, 10, 2.1; в обыденном сознании отсутствуют характеристики организации публичной политической власти, распространяющейся на все общество, выступающая его официальным представителем», «участник международных отношений», но имеют место дополнительные семы 7, 8, 9, 10, 11, 12.
	2. В конституционном праве: совокупность официальных органов власти, действующих в масштабе страны или субъекта федерации либо территориального сообщества	2. Наличие управляющих органов власти (8).	
	3. Международное право: основной участник международных отношений	3. –	

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности реального значения юридических терминов (в таблице представлены результаты толкования (интерпретации) термина «государство»):

1) многие признаки реально функционирующего значения в лексикографическом значении не отражены, и, наоборот, некоторые признаки, вошедшие в лексикографическое описание, могут быть периферийными, т. е. слабо отражаться или вообще не отражаться в сознании носителей языка;

2) использование общеупотребительной конкретной лексики (человек вместо лица, индивида; орган политической власти вместо элемента политической системы);

3) употребление видовых понятий взамен родовых (закон и порядок взамен средств и мер принуждения; имущество/благо вместо средств и продуктов производства);

4) редукция специфических юридических понятий в обыденном сознании рядовых носителей языка (правоспособность, правоотношений, публичная власть);

5) степень сложности формальной организации при обыденном толковании выше, чем при толковании, данном в словаре юридических терминов, т. к. используются развернутые синтаксические конструкции вместо синтетических форм (человек, который был вынужден, вместо человек, вынужденный).

Таким образом, для юридического толкования характерно воплощение в емкой структурной форме сложного содержания, поэтому преобладают лаконичные синтаксические конструкции, что приводит к большей концентрированности и обобщенности информации в тексте, следовательно, к усложнению алгоритма понимания его смысла. При обыденном толковании происходит адаптация текста к условиям его восприятия менее осведомленным, чем сам

законодатель, рядовым носителям языка, для этого используются развернутые, описательные синтаксические конструкции, отражающие каждый элемент семантики в отдельности.

На втором этапе лингвистического эксперимента испытуемым был задан вопрос: «Какие ассоциации вызывают у Вас следующие слова: *гражданин, государство, беженец, таможня, собственность!* При этом учитывались только первые ассоциативные реакции как наиболее достоверные, т. к. остальные ассоциации могут быть уже ассоциациями не на слово-стимул, а на предыдущую реакцию.

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула «государство».

Государство – власть (8), страна (6), Россия (5), президент (4), Путин (4), Родина (3), границы (2), держава (2), независимое (4), закон (2), население (1), язык (1), гражданин (1), правительство (1), защита (1), отдельное (1), политика (1), управление (1), древнерусское (1), современное (1).

2. Семная интерпретация ассоциатов:

а) Территориально закрепленное объединение (страна – 6, Россия – 5, держава – 2, границы – 2, население – 1);

б) исторически сложившейся (современное – 1, древнерусское – 1);

в) имеющее аппарат управления (власть – 8, президент – 4, Путин – 4, правительство – 1, закон – 2, политика – 1, управление – 1);

г) обладающее суверенитетом (независимое – 4, отдельное – 1, защита – 1);

д) определяет статус человека как носителя прав (гражданин – 1);

е) наличие государственного языка (язык – 1).

3. Полевой анализ полученных сем.

Ядро семантики слова составляют семы а, в; ближнюю периферию – г, дальнюю – б, д, е.

По сравнению с первым этапом в результате ассоциативного эксперимента в реальном значении юридических терминов появляются специфические элементы значения:

во-первых, стремление к самоидентификации, персонализации (гражданин – я, собственность – моя);

во-вторых, семы, обусловленные своеобразием индивидуального жизненного опыта (гражданин – Маяковский, беженец – Афган, из бывших республик СССР);

в-третьих, сужение понятия, использование видовых эквивалентов (собственность – квартира, машина, дом, дача, деньги);

в-четвертых, подмена одного понятия другим (беженец – бомж).

Как показывает исследование, реальное значение юридического термина далеко не всегда совпадает с его лексикографическим вариантом. Здесь можно выделить две тенденции:

1) слово в сознании носителя языка имеет больше значений, чем это отмечают словари;

2) количество значений, представленных в словарях, богаче, чем в языковом сознании [11, с. 335].

Кроме того, может различаться структура семантемы – иерархия ядерных и периферийных значений.

Аспект «язык – объект юридической деятельности», актуализируется в ситуации законодательной деятельности, когда функционирование естественного языка подлежит юридическому регулированию (например, при принятии законов о государственном языке) и в ситуации законоприменительной – в следственных действиях и судебном разбирательстве, когда они, во-первых, стали предметом правонарушений, т. е. нарушений законов, регулирующих использование языка, или, во-вторых, в случаях, когда речевые действия оказались средством осуществления различных правонарушений [4, с. 140].

Ситуация, когда язык выступает средством правонарушений, объектом судебной лингвистической экспертизы и судебного разбирательства, возникает в случаях, например, когда язык используется для нанесения морального ущерба личности, манипулятивных действий, плагиата и т. д. Особый тип отношений языка с правом образуется в идентификационных экспертизах, когда речевые произведения сами по себе не являются средством правонарушений, но их анализ позволяет провести те или иные следственные и/или судебные действия.

С юридизацией связан наиболее высокий уровень социализации языковых конфликтов, т. к. юридизация предполагает необходимость их регулирования через нормы права. Элементы естественного языка юридизируются в силу необходимости квалификации состава преступления, т. е. «подведения» их к определенной статье закона, которая регулирует их применение. В этом смысле в данном аспекте можно говорить о языковом злоупотреблении и правонарушении как о единице юридического функционирования языка, которую по аналогии с другими единицами можно назвать «лингвоюридемой» [4, с. 150]. Например, лингвоюридема «оскорбление» (ст. 130 УК РФ «Оскорбление»), «клевета» (ст. 130 УК РФ «Клевета»), унижение чести и достоинства личности (ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Юридизация языковых средств (например инвективных лексем) заключается здесь в необходимости их лингвистической оценки на шкале этико-языковой нормативности (приличное/неприличное), которая в суде переводится на шкалу их юридической оценки как оскорбления/неоскорбления. При этом следует отметить, что интерпретация лингвоюридемы в сфере обыденной коммуникации существенно отличается от их официального толкования.

Для выявления специфики обыденного функционирования лингвоюридемы по сравнению с их официальным толкованием, как и при установлении особенностей реального значения юридических терминов по сравнению с лексикографическим, был использован метод лингвистического эксперимента. На первом этапе студентам предлагалось дать определение лингвоюридемам «оскорбление», «клевета», «порочающие сведения»; определить главные семантические признаки, отличающие их от неюри-

дизированных слов-синонимов (клевета – злословие, оскорбление – обида, порочащие сведения – позорящие). После чего проводился сем-ный анализ полученных толкований. Семы, выделенные при обыденном толковании, сопоставлялись с семами, присутствующими в определениях, зафиксированных в соответствующих законодательных статьях и в Постановлении (ст. 129, 130 УК РФ, ст. 152 ГК РФ).

В результате проведенного исследования можно выделить следующие особенности реального функционирования юридизированного термина «оскорбление»:

1) расширение семантики термина за счет конкретизации сем. Во-первых, в обыденном толковании обобщенный характер семы «унижение чести и достоинства другого лица» приобретает конкретную выраженность, форму осуществления (слова, речь, высказывание, фразы, гневные выкрики, сведения, информация, дело, действия, поведение, жесты); во-вторых, сознанием рядового реципиента фиксируется причина оскорбления (обида, зависть адресанта), а также перлокутивный эффект (обида адресата, испорченная репутация, унижение чести и достоинства, воли, моральных качеств, снижение самооценки, задевание гордости, чувств);

2) 91 % испытуемых отмечают вербальный характер оскорбления; в официальном толковании фиксируется, что оскорбление может быть нанесено как в устной форме (словами), так и в письменной форме (в письме), а также физическим действием;

3) 80 % опрошенных отмечают целенаправленный характер оскорбления (в ст. 130 этот признак присутствует лишь имплицитно);

4) ядерную сему для официального толкования «неприличная форма» фиксируют лишь 6 % испытуемых («ненормативная лексика»); отмечается лишь негативный характер высказывания/действия;

5) ориентация на субъективное восприятие адресата, т. е. слова, действия считаются обидными именно с точки зрения адресата, в зависимости от его концептуальной сферы;

6) испытуемые не осознают возможность юридических последствий, воспринимают оскорбление на бытовом уровне;

7) отсутствует разграничение синонимов «оскорбление» – «обида» по сферам употребления (юридическая – обыденная); 70 % опрошенных устанавливают причинно-следственные связи между словами; 17 % отмечают личный, индивидуальный характер обиды, ее наличие «в душе»;

8) смешение понятий оскорбление/клевета, оскорбление/порочащие сведения.

На втором этапе лингвистического эксперимента испытуемых просили написать ассоциации, которые вызывают у них термины «клевета», «оскорбление», «порочащие сведения». Также необходимо было привести свои примеры.

1. Формирование ассоциативного поля слова-стимула «оскорбление».

Оскорбление – унижение (10), обидные слова (3), обида оскорбленного (5), неприятные слова (2), грубое слово (4), ругательство (2), злоба (2), сла-

бость (2), зависть (2), матерные слова, обидные выражения, негатив, глупость, злость, неуважение, агрессия, горечь, удар по больному.

2. Семная интерпретация ассоциатов:

а) унижение другого лица (унижение – 10);

б) вследствие определенных причин (злоба – 2, зависть – 2, слабость – 2, глупость – 1, злость – 1, неуважение – 1, агрессия – 1);

в) выраженное в конкретной форме (обидные слова – 3, неприятные слова – 2, грубое слово – 2, ругательство – 2, матерные слова – 1, обидные выражения);

г) приводящее к отрицательному эффекту (обида – 5, горечь – 1, удар по больному – 1, негатив – 1).

Примеры: дурак/дура (11), урод, глупый, тупой/тупая (7), идиот/идиотка (5), debil, ничтожество, наивный, чмо, клоун, неудачник, истеричка, стерва (2), шлюха, врунья, жадная, некрасивая/некрасивый (2), страшный, дичь, синяк, курица, козел, овца (2).

Таким образом, видим, что главной характеристикой семантической стороны оскорбления опрашиваемые называют резко негативный характер слов, высказываний, адресованных человеку. При этом наиболее «уязвимыми» качествами считаются интеллект (в широком смысле), далее – внешний вид и поведение человека. Также следует отметить, что внешние (социальные, этические) нормы для рядовых носителей языка оказываются более значимыми, чем внутренние (например, функционально-стилистические), в частности, оскорбительной им видится даже нейтральная лексика (наивный, глупый, клоун и т. д.).

Разнообразные стратегии интерпретации юридических терминов можно свести к двум основным принципам: холистическому и элементаристскому. Как отмечает Н. Д. Голев, «русское обыденное метаязыковое сознание скорее предпочитает холизм – непосредственное обращение к сущности целого, элементаризм же – выведение целого из его компонентов – менее присущ русской метаязыковой ментальности» [3, с. 386].

Также следует отметить, что при интерпретации юридических терминов рядовыми носителями языка чувственная форма познания (образная) преобладает над рациональной (понятийной), т. к. для понятийной формы мышления характерно отражение только существенных признаков объекта, отличающих его от всех других, обыденное же сознание фиксирует и незначительные признаки.

Реальное значение юридического термина, его лексикографическое значение, а также официальное значение, закрепленное в законе, может быть использовано в качестве базы для дальнейшей когнитивной интерпретации, после которой его можно продолжить уже в аспекте описания соответствующего концепта. В содержание концепта будут входить «не только актуально осознаваемые и используемые в общении смысловые компоненты, связанные со словом, но и признаки, которые отражают общую информационную базу человека, его энцик-

лопедические знания о предмете или явлении, являющиеся достоянием личного или коллективного опыта» [7].

В результате проведенного исследования были выявлены дифференцирующие признаки обыденного языкового толкования. На основе сопоставительного анализа толкования юридических терминов рядовыми носителями языка и их канонического толкования выделены и описаны основные особенности и тенденции обыденнизации данных терминов в обыденном сознании.

Обыденное толкование существенно отличается от других способов реализации смысла правового текста. Поэтому законодатель, выражая свою мысль в тексте закона, должен учитывать его реальное понимание рядовыми реципиентами.

Повышение эффективности правовой коммуникации должно включать не только и не столько упрощения юридического языка для достижения некой социальной гармонии профессионального и обыденного правового сознания, но и следующие стратегии:

1) повышение уровня метаязыкового сознания юридической стороны правовой коммуникации, прежде всего уделение гораздо большего внимания к механизмам обыденного функционирования языка и текста и, как следствие, – достижение понимания глубинных закономерностей устройства и функционирования естественного языка – источника многих конфликтов в законоприменительной деятельности;

2) повышение уровня правовых знаний населения, позволяющее рассчитывать на относительное преодоление обыденных презумпций, трансформацию их в юридические на основе понимания специфичности юридического текста;

3) укрепление юрислингвистической парадигмы в лингвистике; лингвисты также должны все более осознавать, что те их теоретические и практические исследования, которые направлены в сферу права (и/или юриспруденции), никак не могут быть механической трансформацией одной парадигмы в другую.

Литература

1. Ветров, А. А. Расчлененность формы как основное свойство понятия / А. А. Ветров // Вопросы философии – 1958. – № 1. – С. 19 – 32.

2. Голев, Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-

8: Русский язык и современное российское право. – Кемерово; Барнаул, 2007. – С. 92 – 104.

3. Голев, Н. Д. Современное российское обыденное метаязыковое сознание между наукой и школьным курсом русского языка («правильность» как базовый постулат наивной лингвистики) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: коллективная монография / отв. ред. Н. Д. Голев; ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». – Томск: Томский государственный педагогический университет, 2009. – С. 378 – 410.

4. Голев, Н. Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии / Н. Д. Голев // Юрис-лингвистика-9: истина в языке и праве. – Кемерово; Барнаул, 2008. – С. 136 – 155.

5. Лурия, А. Р. Язык и сознание // А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 416 с.

6. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М.: МГУ, 1988. – 208 с.

7. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 320 с.

8. Рикер, П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: Медиум: Академия-Центр, 1995. – 415 с.

9. Ростова, А. Н. Обыденная семантизация слов / А. Н. Ростова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография. – Ч. 1. – Кемерово; Барнаул, 2009. – С. 182 – 201.

10. Ростова, А. Н. Стратегия толкования значения слов говорящими: обусловленность языковыми факторами и когнитивными способностями / А. Н. Ростова // Актуальные проблемы русистики. – Томск, 2000. – С. 187 – 194.

11. Фридман, Ж. И. К вопросу о психологически реальном значении слова / Ж. И. Фридман // Актуальные проблемы коммуникации и культуры. – Вып. 2. – Пятигорск, 2005. – С. 335 – 340.

12. Юридический энциклопедический словарь / М. О. Буянова, Е. Б. Ганюшкина, Б. В. Ганюшкин и др.; отв. ред. М. Н. Марченко. – М.: Проспект, 2006. – 816 с.